

МАРИЯ ЛЕТОВА

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

ВОЗЬМИ МЕНЯ СЕБЕ

Вожак

Мария Летова

Возьми меня себе

«Автор»

2021

Летова М.

Возьми меня себе / М. Летова — «Автор», 2021 — (Вожак)

В свои девятнадцать я хорошо усвоила, что мужчин лучше остерегаться, но в этого мужчину я влюбилась с первого взгляда. Он старше на четырнадцать лет, и он меня не замечает. Я не могу держаться от него подальше, даже понимая, что принесу ему одни сплошные беды, ведь у меня есть секреты, о которых он не знает. Содержит нецензурную брань.

© Летова М., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мария Летова

Возьми меня себе

Глава 1

Айза

Визг тормозов справа и резкий протяжный гудок ударяют по ушам.

В локоть впиваются чьи-то пальцы. Крик матери за спиной и шум города обрушиваются на меня так внезапно, что становлюсь близка к разрыву сердца.

Оно стучит о рёбра, пока провожаю глазами большую чёрную машину, из которой на меня орёт видный седой мужчина.

– Айза! – Дергает мать за рукав моей куртки. – Сколько можно ворон считать?! Наказание! Что мне с тобой делать?!

К ней присоединяется случайный прохожий с усами и в старомодной шерстяной кепке. Тот самый, который секунду назад выдернул меня из-под машины. Нависнув надо мной, они плюются обвинениями и упрёками. Мать трясёт мои плечи, и в её глазах испуг, а я лишь открываю и закрываю рот, смотря то на одного, то на второго, потому что сама испугалась до смерти!

– Простите... – хрипло извиняюсь перед всеми сразу: перед прохожим, матерью и водителем.

Мужчина качает головой и трясёт перед носом указательным пальцем, мама тащит меня вниз по тротуару, схватив за шиворот куртки.

По щеке ударяет капля дождя.

Ледяная.

Передёрнув плечами, натягиваю на ладони рукава водолазки и прячу руки в карманы, тихо прося:

– Пусти. Я сама...

– Как тебя можно одну куда-то отпустить? – взвизгивает мама, беря меня за руку. – Тебе восемнадцать! Восемнадцать, а ума на ноль!

Обиженно молчу, потому что ей не нужны мои ответы. И потому что у моей матери не очень хорошо с нервами. Когда она ругает меня, мне хочется заткнуть уши руками и зажмуриться. У меня под кожей зудит и сердце скачет, когда на меня орут.

Её лицо, закутанное в выцветший синий платок, бледное и осунувшееся. Мое выглядит не лучше.

Это бесконечный день.

Бесконечный.

И я хочу, чтобы он поскорее закончился. Просто закончился, и всё. Хоть чем-нибудь! Потому что в моей жизни есть только две вещи, которые я ненавижу больше всего на свете: мой отец и мерзнуть, а в своих ботинках я уже не чувствую ног.

Слившись с толпой пешеходов, переходим широкий проспект в шесть полос.

Мои глаза хватаются за всё подряд: за людей, за их лица, за их одежду, за стеклянные витрины магазинов, в которых плывёт моё отражение, и за вывески кафе. На мне короткая малиновая куртка, синие джинсы и чёрная шапка. И я очень замёрзла, потому что здесь, в Городе, просто ужасно холодный октябрь!

– Давай, я понесу. – Пытаюсь снять с материнского плеча чёрную спортивную сумку.

– Сама хоть дойди, горе луковое. – Закатывает она глаза, подкидывая её повыше.

Смирюсь, возвращая руки в карманы.

Наши жизни, всё, что нам принадлежит, уместилось в одну сумку на двоих. Это всё, что мы успели собрать, сбегаая из дома. Неважно. Вещи – это последнее, что в этой жизни сделало бы меня счастливой. И маму тоже.

Мы пересекаем огромную площадь, а за ней я вижу минареты городской мечети. Раньше я видела её только на старых открытках и фотографиях. Потому что, в отличие от матери, я в Городе не бывала, хотя до него три часа на автобусе.

А вот она, моя мать, здесь родилась. Это было тридцать семь лет назад. Она не забывает напоминать о том, что в моем возрасте у неё уже была половина меня. Не думаю, что я готова стать матерью даже в двадцать пять. Для этого ведь нужен муж, а я решила, что замуж никогда не выйду.

Никогда.

Если... Город не примет нас, нам придётся вернуться.

От этой мысли мне становится дурно. Лучше сдохнуть в канаве.

Холодный ветер жалит меня повсюду, поэтому я трясусь.

– Ммм?... – переспрашиваю, взглянув на мать.

– Замёрзла? – Обеспокоенно.

– У-у... – вру я, утирая рукавом куртки подтекающий нос, за что тут же получаю по рукам и смеюсь.

Положив мою ладонь в карман своего пальто, мама ободрительно сжимает её, говоря:

– Потерпи.

Через час скитаний мы оказываемся на тихой улице, заставленной частными домами.

Желтые фонари вспыхивают одновременно, потому что стемнело.

И я уже не в силах поражаться тому, что место, которое мы ищем – это двухэтажный дом с кованой оградой, у которой припаркован огромный чёрный джип. Не в силах, потому что мокрая одежда стала нестерпимо тяжелой. Мои зубы выбивают дробь, руки ооченели. Даже коса, спрятанная под курткой, кажется мне двухпудовой, будто к ней привязали кирпич.

И это не тот дом, который построили из чего бог пошлёт.

Это же... это настоящий особняк...

Идеально прямоугольный и широкий. Крыльцо с каменными ступенями подсвечено старомодным фонарем. В доме горят почти все окна. Их тут много. Очень много.

Наше гробовое молчание, красноречивее любых слов. Прижавшись друг к другу, мы палимся на парадную дверь, выкрашенную в красный цвет.

Это место – центр социальной помощи. По крайней мере, мы так думали, потому что это совсем не похоже на что-то с припиской «социальный».

Повернув голову, осматриваю залитый дождем двор с ухоженной территорией. Он тёмный и размокий.

Дверь открывает высокая и очень красивая брюнетка.

Я не воспитана палиться, но ноги у неё бесконечные и стройные. Она и сама в курсе, потому что демонстрирует их очень узкими джинсами.

Черные, густо подкрашенные глаза изучают нас с ног до головы. Моя рука все ещё в кармане материнского пальто, и ее ладонь сжимается вокруг моей.

Эта женщина мне мгновенно не нравится. Потому что мы посиневшие от холода и промокшие насквозь. А она выжидает целую минуту, прежде чем выгнуть идеальные брови и спросить:

– Записаны?

– Нам сказали, можно без записи. – Дрожит мамин голос.

– Заходите, – не торопясь, бросает та, лениво отходя в сторону.

Тёплый воздух кружит мою голову. В нос ударяет запах еды и лёгких духов, в глаза – ярчайший свет большой хрустальной люстры. Желудок просыпается, потому что мы с утра ничего не ели. Из носа снова течёт, по венам разползается жуткая слабость.

– Я, Лаура. – Закрывает брюнетка дверь. – Вы – мать?

– Да, я Аида. – Выпускает мою руку мама. – А это Айза.

– Идите за мной, а дочь пусть здесь подождёт, – распоряжается та.

Посмотрев в мои глаза, мама молчаливо просит помалкивать, и передаёт мне нашу сумку.

Опуская её на пол у своих ног, с подозрением и просто бесконечной усталостью озираюсь по сторонам.

Что за... чертовщина? Мы что, в мышеловке?

Широкий холл с лестницей на второй этаж. А перед ней – квадратный тонкий ковёр. Паркет. Повсюду. На стенах... картины. Справа гостиная, из которой доносятся звуки работающего телевизора. Слева – коридор, который минуту назад проглотил мою мать.

Стягиваю с головы мокрую шапку и запихиваю в карман, топчась на месте.

У стены – обитая атласной тканью банкетка, но я ни за что на неё не сяду. Я вообще боюсь к чему-то здесь прикасаться, поэтому просто стою у двери. Бродящее по венам волнение делает меня дерганой. Мои глаза круглые, а сердце настукивает всякие страхи.

Что, если нас погонят отсюда?

Если погонят... умру у них на крыльце, клянусь! Там по крайней мере сухо и...

Где-то хлопает дверь, и я поворачиваюсь на звук.

– Тогда, я поеду туда сама! – Звонкий женский голос вылетает из-под лестницы.

– Езжай. – Хрипловатый и спокойный мужской.

– Ты серьёзно?

– Ага.

Шаги и голоса приближаются ко мне, и я сливаюсь со стеной в ожидании.

– Чёрт, я прошу час твоего времени, неужели это так сложно?

– Не сложно, а глупо.

– Это не глупо. Это важно!

– Это глупо.

В холл врывается огромный широкоплечий мужчина, а за ним по пятам следует хрупкая брюнетка с просто роскошными распущенными волосами и в красном брючном костюме. Такая ухоженная и яркая, что я вдруг стесняюсь липовых побрякушек в своих ушах.

Это последняя связная мысль в моей голове...

Разумеется, в своей жизни я видела мужчин. Я даже знаю, как мужчина выглядит без одежды. Но сейчас я уже не уверена в том, что то были настоящие, а не поддельные мужчины. Потому что этот... он... такого никогда ни с кем не спутаешь...

На нём черная толстовка с капюшоном и военные штаны с накладными карманами. Короткий ёжик волос, высокие скулы, твёрдые губы и тёмная густая щетина на квадратной, чётко очерченной челюсти.

В руке у него чёрная куртка.

А его тело... оно... как машина. У него всё большое. У него настолько плоский живот, что на спортивной толстовке нет ни единой складки. Крупные бёдра и широкие плечи выглядят каменными. А на ногах у него просто огромные высокие военные ботинки.

Преградив ему дорогу, девушка упирает руки в бока и рычит:

– Ты просто баран, Максут! Я возьму с собой кого-нибудь другого.

– Не советую, – спокойно говорит мужчина, отодвинув её за плечи и, посмотрев прямо на меня поверх её головы, добавляет. – У тебя гости.

У него голубые глаза, а у меня перед глазами вдруг всё плывёт, а потом вообще исчезает, будто кто-то выключил свет. Сползая по стене, готовлюсь клюнуть носом пол...

Глава 2

Айза

Слышу чертыхания, топот ног и женский вскрик.

Звон бьющейся посуды, и мое лицо встречается с твёрдой, пахнущей стиральным порошком поверхностью, по которой я безвольно растекаюсь, с запозданием понимая, что это человек.

Уверенные сильные руки мягко меняют мое положение, подхватывая под коленями и поднимая на руки.

В ушах звон, а в горле так сухо, что не могу сглотнуть.

– Ммммм... – стону с мукой.

Шея выгибается, голова и рука безвольно свисают, как у драматической актрисы, только я совсем не придуриваюсь.

Кажется, я упала в настоящий обморок.

– Ох... бедненькая... – женский возглас.

– Куда её? – нетерпеливый мужской.

– Давай наверх...

Меня плавно качает.

Руки и ноги не работают, но я чувствую, как липнет к ногам сырая ткань джинсов, и тепло другого человека. Мне хочется прижаться к нему теснее, чтобы согреться, потому что в следующую минуту меня начинает потряхивать.

– Принеси воды... и еды, лучше бульон... – командует незнакомый мужчина над моей головой.

Я взмываю вверх и опускаюсь на мягкое, силясь открыть глаза. Мои ноги остаются без обуви. Мне холодно.

– Такая бледная...

– Отток крови и недостаток кислорода в мозге. Это обморок. Поживее, я опаздываю на самолёт...

– Что мне сделать?

– Вода и бульон.

Хлопок двери. Моё запястье обхватывают тёплые сухие пальцы. Я, наконец-то, могу открыть глаза.

Боже...

Он ещё больше, чем в прошлый раз.

Сидит на краю кровати, зажав большим пальцем мой пульс, и сосредоточенно смотрит в свои спортивные часы с кучей всяких циферблатов.

Боясь сделать лишний вдох, пялюсь на его лицо. Оно загорелое и очень мужественное. В нём нет ничего... мальчишеского, ни одной черты, хотя выглядит он молодо.

Скользнув глазами по мощной шее и рельефной груди, перевожу глаза на наши руки. Его ладонь тоже загорелая, очень широкая. Опутанная сухожилиями и венами. А его бицепсы... они толщиной с моё бедро, честное слово...

Опомнившись, поджимаю пальцы на руке, потому что мои ногти – это кошмар. И я не преувеличиваю. Они выглядят так, будто я пилила их пилой... это нервное, и это отвратительная привычка, за которую я себя ненавижу. Мужчина поднимает глаза, повернув ко мне практически лысую голову.

Они у него голубые. Без серого.

Голубые и очень внимательные...

– Как тебя зовут? – Отпускает мою руку.

– Айза... – шепчу шершавым голосом, не спуская с него глаз.

– Сколько пальцев, Айза? – Загибает он свой большой.

– Четыре...

– Когда ты ела в последний раз? – Берется за молнию на моей куртке, и я в панике шархаюсь в сторону, саданув ему по руке.

– Спокойно. – Тут же убирается он к чёрту, а я сажусь, отползая к спинке кровати.

Быстро осматриваю комнату, похожую на персиковый кекс. Повсюду этот тон. На стенах, шторах и на полу. Две кровати, шкаф и окно, по которому лупит дождь.

Кошусь на дверь, предупреждая:

– Не трогайте.

– Нужно снять мокрую одежду. – Встаёт мужчина с кровати, и мои глаза поднимаются вслед за ним, а потом он забрасывает руку и стягивает с себя толстовку, потянув за ворот.

Край белой футболки поднимается, оголяя кусок живота. Мощная косая мышца убегает за пояс резинки спортивных штанов, из-под которой на меня смотрит полоска белых трусов с фирменной надписью... низ его живота покрыт тёмными волосками, которые также утекают под резинку.

С усилием проталкивая в пересохшее горло слюну, я уже смотрю на то, что у него ниже этой резинки, и щёки загораются так, будто к ним поднесли открытый огонь. В панике увожу глаза и смотрю в потолок, но фрагмент его тела от пупка до выпирающего паха навсегда отпечатался в мозгу.

Низ моего живота реагирует внезапным всплеском ноющей тяжести, от которой хочется сильнее сжать бёдра... это так неожиданно, что я впиваюсь пальцами в своё колено.

Перед моим носом возникает чёрная толстовка со словами:

– Брюки и носки тоже сними.

Вскидываю на него глаза, не шевелясь.

Он смотрит на меня в спокойном ожидании.

Не получив реакции, говорит:

– Я не ем детей.

– Мне восемнадцать, – хриплю я.

– А мне надо идти. – Тычет он толстовкой.

Забираю её машинально и прижимаю к себе, продолжая смотреть в неподвижное загорелое лицо.

Не говоря ни слова, мужчина разворачивается и идёт к двери, давя ботинками пушистый персиковый ковёр.

Проведя рукой по мокрому лбу, слежу за ним до самой двери.

– Как... – кричу ему вслед, прочистив горло. – Как мне её вернуть?

– Оставь себе. – Покидает он комнату, не оглядываясь.

Смотрю на дверь целую минуту, прежде чем поднести мягкую тёплую ткань к носу.

Порошок и запах чистой выстиранной одежды.

Кто он, чёрт возьми, такой?!

Глава 3

Айза

– Что ты сказала? – Гремит надо мной разъярённый голос.

– Отпусти! – Истеричный голос матери.

Слёзы заливают моё лицо. Пальцы царапают жесткую руку, вцепившуюся в косу.

– Титты кусок ддерьма! – ору до хрипоты, вонзая ногти в его запястья.

Со злостью и бешенством. С остервенением.

Вскрик матери, и она падает на пол. Брыкаюсь, как ненормальная. Но он сильнее. Сильнее нас обеих. Никто нам не поверит. Никто не захочет...

– Мама...

А потом все прекращается.

Падаю на колени, а за моей спиной на пол падает грузное, ненавистное тело.

Отползая, кричу. Утираю слёзы, сотрясаясь в рыданиях.

В руках матери – разбитая ваза. В глазах – ужас. В моих тоже.

– Собирай вещи... – хрипит она.

Горло сдавила паника.

Киваю, срываясь с места...

– Айза... проснись...

Сердце стучит в ушах. Дышать нечем...

– Айза... – сквозь мутный морок слышу я и распахиваю глаза.

Моя футболка прилипла к телу, в голову кто-то засунул огромный булыжник.

Глядя в свежесбеленный потолок, сиплю:

– Можно мне воды...

– Сейчас...

Глотаю жадно, давясь и перхаясь.

– Не спеши...

Осматриваю залитую солнцем комнату.

Такую персиковую и тёплую.

Такую спокойную.

Вспоминаю, где я.

Целую минуту вспоминаю, где я.

Вцепившись в одеяло, жду, пока сердце перестанет скакать. В груди тянет. Перевожу глаза на мать и сиплю спрашиваю:

– Они ведь нас не найдут?

Мама молчит целую минуту. Глядя в мои глаза. Они у нас похожи. Я бы умерла, если бы во мне было хоть что-то от него. Просто умерла бы. Может, это и ему самому не давало покоя? Надеюсь. Я надеюсь, что его собственные демоны пожрут его нутро и нутро всей его семьи. Так же, как он жрал наше все эти годы.

– Для этого нужно искать, – наконец-то отвечает она.

Киваю.

Чтобы кого-то искать, этот кто-то должен обладать хоть какой-то ценностью.

Щёку жалит горячая слеза, и я не могу сдержать всхлип. Мама протягивает руку, стирая её, а я глотаю ком и шепчу:

– Прости...

Я не хочу быть слабой... но у меня не получается. Из нас двоих – я тот человек, на которого сложно в чём-то положиться. Настоящая обуза. Если бы не я...

– Айза – ты, самое ценное, что есть в моей жизни, – заверяет она, будто читая мои мысли.

Смотрю в окно, снова кивая.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивает мама, вставая.

Наблюдаю за ней, двигая глазами.

Остановившись перед зеркалом, она повязывает на голову платок, а потом, будто опомнившись, отбрасывает его в сторону.

Я знаю, она не стала бы его носить. Она горожанка до мозга костей. Она не носила его до того, как... как вышла замуж.

Её гладкая коса спадает по спине. Моя мама – красивая. Он тоже это замечал. Всегда.

Привстав на локтях, прислушиваюсь к себе и неуверенно говорю:

– Отлично.

Я целую неделю провела, прикованная к постели. Кажется, такой простуды со мной не случалось никогда. Зато со мной случалось много чего другого.

– Мне пора, – говорит мама, вешая на плечо сумку и приглаживая на макушке волосы.

– Хорошего... дня, – тихо говорю я, взглядом провожая её до двери.

Пока я валялась в кровати, она нашла работу в городе. Мама – швея. Когда-то я помогала ей. Ровно до того момента, пока чуть не оттяпала себе палец двойной иглой для швейной машинки.

Я все делаю из вон рук плохо. По крайней мере все то, что нужно делать руками.

Мне тоже нужна работа.

Я знаю.

Знаю и...

Мне восемнадцать, а я ни черта не умею.

Глядя на своё отражение, сжимаю губы.

Из зеркала на меня смотрят карие глаза и миловидное лицо на тонкой шее.

Дергаю за резинку, распуская косу.

Я отвратительно училась. Я рассеянная и... медленная. Моих грехов не счесть. И как с этим жить?

Тяжко вздыхаю и плетусь в душ.

Стою под горячими струями целую вечность. Целую вечность намыливаю волосы и своё тело.

Скольжу ладонями по груди и животу. Вздрагиваю, задевая огромный синяк на пояснице.

Впервые в жизни мне не нужно спешить. Мне не нужно прислушиваться к каждому звуку. Не нужно... бояться...

Даже неделя в таком месте – это как побывать в санатории. Мама сказала, мы можем оставаться здесь так долго, как только захотим.

Два дня лил дождь, а сегодня вдруг – солнце. Сегодня последний день октября. Я не люблю зиму. Потому что не люблю холод.

Выйдя из душа, не спеша сушу волосы.

Натянув на себя синие лосины и майку, решаю обойтись без бюстгалтера. С моей грудью – это совсем не проблема.

Поверх майки надеваю футболку и беру свой длинный вязаный свитер с полки, но потом замираю, глядя на идеально сложенную чёрную толстовку в углу.

Будто вспышка, в голове возникает образ голубых внимательных глаз.

Максут...

Пальцы касаются плотной ткани.

Это самая приятная к телу ткань из всех, которым приходилось моего тела касаться.

Я думаю – это какой-то специальный состав. Я думаю, что это очень дорогая вещь.

Помедлив секунду, беру её с полки и надеваю на себя.

Глядя в зеркало, морщусь.

Она такая огромная – чуть ниже середины моего бедра. И тёплая. Плечи висят почти на локтях, о ширине вообще молчу. Вспоминаю, кому она принадлежит. В... мельчайших подробностях...

Обув ноги в свои старые кроссовки, выхожу из комнаты.

Спустившись по лестнице, осматриваю пустой холл. Запах еды гуляет по дому. На кухне слышны голоса. Наверное, я проголодалась. Но я никого здесь не знаю. И, если быть честной, сегодня я не хочу ни с кем знакомиться.

Помявшись на первой ступеньке, выскальзываю за дверь, и тут же прикрываю ладонью глаза.

Яркое солнце режет их, будто нож.

Набросив на голову капюшон и засунув руки в рукава, как в муфту, медленно бреду по выложенной камнем дорожке.

В воздухе немного тумана. Воздух свежий и влажный.

Осмотревшись по сторонам, решаю пойти направо.

Здесь, на этой улице, так тихо. Если бы я не знала, что нахожусь в городе, никогда бы не поверила. Город немного меня пугает. Я не знаю, как в нем жить. Не знаю, где мне здесь пригодиться. Я не смогла пригодиться даже там, откуда я родом.

Я не знаю, есть ли на свете более бесполезный человек, чем я?

Наверняка есть, но нас таких не много, уверена.

Проходя мимо парка, обнимаю пальцами прутья ограды и смотрю на то, как резвятся на детской площадке разновозрастные карапузы.

Оттолкнувшись, бреду по тротуару, решая никуда не сворачивать. Если я заблужусь... это будет так на меня похоже.

Спустя пятнадцать минут неторопливого беспцельного шага, тихий спальный район вдруг заканчивается, и я оказываюсь на стыке двух проспектов. Шум города постепенно накрывает меня с головой, и я целую минуту стою, не решаясь идти дальше.

Повернув голову, вижу кофейню на первом этаже старомодного серого здания.

Внутри пахнет выпечкой и кофе. Так вкусно, что у меня текут слюни. За стойкой высокий парень в зелёном фартуке. Темные волосы густой выщипанной челкой спадают на лоб. Он... красивый. Наверное. Бросив на него быстрый взгляд, прохожу вперёд, чтобы изучить грифельную доску, на которой белым и красным мелом представлен ассортимент.

– Выбрали?

Поднимаю глаза и натыкаюсь на прямой карий взгляд. Упершись руками в прилавок, парень смотрит в мое лицо, а потом медленно осматривает меня всю.

Я знаю, что выгляжу нелепо. Но... мне так комфортно.

Отвернувшись, хмурюсь и спрашиваю деловым тоном:

– Что такое латте?

– Это кофе с молоком. Тебе понравится.

Снова поднимаю на него глаза. И снова он смотрит, тихо спрашивая:

– Как тебя зовут?

Молчу, думая о том, зачем ему моё имя?

Звенит дверной колокольчик.

Бросив взгляд через плечо, отхожу в сторону.

Мое сердце ухает вниз, а глаза расширяются, потому что в кофейню, на ходу снимая солнечные очки, заходит... хозяин моей толстовки...

Глава 4

Айза

На нём защитная военная куртка и синие джинсы. На ногах – огромные чёрные кроссовки.

Засунув очки в нагрудный карман, мужчина занимает своими плечами все окружающее пространство.

От его шагов подпрыгивает посуда.

Или мне так кажется...

Его глаза осматривают обстановку и фиксируются на... мне.

Желание закопаться в капюшон невыносимое. Они быстро изучают меня от макушки до пят. Цепко и ровно.

Делаю ещё один шаг назад, царапая пальцами свои предплечья в рукавах.

Моя макушка на уровне его плеча.

Чёрт возьми, какой же он большой...

Его появление затмило для меня все... даже ценник на кофе. Я не собиралась ничего покупать. У меня с собой даже нет денег. А если бы и были...

Почесав зубы языком, пришелец спрашивает, глядя на меня сверху вниз:

– Что тебе взять?

Молчу, подняв на него глаза.

Мне?..

Его низкий грудной голос посылает по рукам мурашки. Голубые глаза смотрят спокойно и без особых эмоций. Его нос обгорел. В октябре?

Мне кажется, будто лицо у него уставшее. И... молодое, даже несмотря на тёмную густую щетину. В живот стекает что-то горячее, когда вспоминаю растительность внизу *его* мускулистого живота. Щёки мгновенно вспыхивают. Я не знала, что умею так краснеть. Обычно я... вообще никак не реагирую на окружающих.

– Взять мне? – Стягиваю с головы капюшон.

Голос звучит тонко и глупо.

Положив руку на прилавок, он достаёт из кармана телефон, кивая:

– Ага.

– Латте... – неуверенно говорю ему.

– Латте, а мне как обычно, – обращается он к парню за прилавком.

Постукивая по прилавку пальцами, снова погружается в свой телефон.

– Как подписать? – спрашивает парень.

Подняв на него глаза, мужчина непонимающе молчит.

Подумав секунду, всё же бросает:

– Айза.

Моё сердце останавливается. От того, как он произнёс моё имя. Варварски проглотив последнюю букву.

Он меня узнал. И запомнил моё имя.

– А ваш? – обращается к нему бариста.

Мужчина выгибает тёмные густые брови, глядя на парня.

– Максут... – тихо говорит мой рот.

Голубые глаза вскользь касаются моего лица, а потом дают парню сигнал действовать.

На стойку опускается картонный держатель, а потом два стакана. Большой – с именем “Айза” и маленький – с именем... “Максут”.

Он подхватывает “наш” кофе и разворачивается к выходу. Содрогаю посуду, пересекает кофейню.

Как привязанная, трогаюсь следом.

– Заходи ещё, Айза, – летит мне вслед.

Оборачиваемся оба.

Парень смотрит на меня, опустив подбородок. Переводит глаза выше моей головы и берётся за полотенце, отвернувшись.

Толкнув дверь рукой, Максут пропускает меня вперёд, занеся вверх стаканы.

Выхожу, подняв на него глаза. Он смотрит вперед и выходит следом, отпуская дверь.

Солнце сияет ещё ярче, чем раньше. Утренний туман рассеялся, а движение на проспектах утроилось. Так тепло. Просто аномально...

У кофейни припаркован большой чёрный джип.

Обойдя меня и не коснувшись даже одеждой, Максут просовывает руку в задний карман джинсов, доставая из него ключи. Семеню следом, пытаюсь смотреть вверх, но глаза почему-то приклеились к этому карману и тому, как свободно сидят на нём эти джинсы...

– Подвезти? – бросает он через плечо, открывая водительскую дверь.

Киваю, переминаясь с ноги на ногу.

Глава 5

Максум

Пару минут наблюдаю за тем, как девчонка пытается справиться с кофейным стаканом, потом забираю его и вскрываю пластиковый язычок, делая прорезь, из которой можно пить.

– Держи, – говорю, возвращая ей стакан.

По всей видимости – это её первый кофе.

В Центре я насмотрелся всякого, так что уже ничему не удивляюсь.

Я даже не удивляюсь тому, что уже больше года служу сторожевым псом для оравы обездоленных женщин и детей, вроде этой. Работа не такая простая, как может показаться. Не говоря уже о том, что в доме находится жена человека, который в течение последнего года был самой главной мишенью для всего города. Заказать Марата Джафарова в этом году не успел только ленивый. Мира Джафарова – это и есть моя работа. Все остальное – личная инициатива.

Распахнутые карие глаза смотрят на меня, а потом на стакан. Тонкая кисть с выпирающими косточками выныривает из рукава моей толстовки и забирает стакан с тихим и невнятным:

– Спасибо...

Моя толстовка сидит на ней так, будто в неё завернули зубочистку. Восемнадцать я дал бы её с большой натяжкой. Сегодня она выглядит лучше, чем в тот день, когда чуть не пропахла бледным носом паркет холла. Милое лицо, большие карие глаза, вздёрнутый нос и пухлые маленькие губы. В ушах огромные кольца, судя по грязному серебрянному блеску – липовые. Волосы собраны в тугую косу, спрятанную под толстовкой. Две худых ноги в синих лосинах и стоптанных кроссовках венчают образ.

Нужно проверить того парня из кофейни. Такая, как эта Айза, найдёт проблемы быстрее, чем успею щёлкнуть пальцами. У неё на лице красными буквами написано, что наивнее человека нет в радиусе пятидесяти километров. Я не знаю, откуда конкретно она взялась, но пока она не уберёт с лица эту надпись, лучше бы ей вообще из дома не высовываться.

Двумя глотками выпиваю свой эспрессо, чтобы не вырубиться прямо на ходу. Сняв стакан, кладу в подстаканник.

Последняя командировка растянулась на неделю. Шесть перелётов за три дня. Спасение заложника в Судане. Так далеко наш отряд ещё не забрасывало. У меня в багажнике лежит снайперская винтовка. С таким грузом разгуливать по городу не стоит.

– Пристегиваться умеешь? – спрашиваю, заводя мотор.

– Умею...

– Пристёгивайся. – Киваю, осматриваясь в боковые зеркала.

Выезжаю на проспект, протирая рукой глаза.

Мне нужен сон.

Телефон звонит. Быстро достаю его из кармана. Посмотрев на последние цифры номера, отвечаю сразу:

– Да, Булат.

– Твои документы готовы. Забери, – сообщает правая рука моего босса.

Чёрт.

– Сейчас? – вздыхаю я.

– Если не хочешь таскаться с винтовкой, на которую нет документов, то да.

Мои документы сегодня просрочены. Я с дымом в ушах успел пересечь границу, возвращаясь домой.

Почти десять утра. Город стоит, как вода в болоте. Хочется захныкать.

Бросив взгляд на свою пассажирку, говорю:

– Скоро буду.

Нажимаю отбой, спрашивая:

– Ты спешишь?

Она реагирует не сразу, продолжая с любопытством смотреть в своё окно. Сжав кофейный стакан двумя ладонями, делает глоток.

Повторяю вопрос.

– Ммм?... – поворачивает темноволосую голову, размером с мой кулак.

Карие глаза доверчиво заглядывают в мои.

Вот. Вот об этом я и говорю.

Наивность первой чистейшей пробы.

– Ты спешишь? – повторяю свой вопрос в третий раз.

Слегка нахмутив тёмные ровные брови, отрицательно качает головой.

– Заедем в одно место, – говорю, быстро меняя полосу. – Не против?

– Нет. – Опускает глаза.

Её будущему мужу повезёт, чего не скажешь о Мире Джафаровой и её сестрице Тинатин. Последней вообще забыли зачатки смирения в гены зашить. Надеюсь без меня она не наворотила дел. Последний раз, когда подвизался на её авантюру, мне пришлось сломать нос одному ублюдку, чтобы мы смогли вывезти из его дома жену с двумя детьми. Ублюдок оказался сыном городского прокурора, о чём Тина забыла меня предупредить.

Толкаясь в утреннем трафике, добираюсь до высотки Джафаровых за восемнадцать минут. Паркуюсь на втором уровне подземной стоянки тридцатидвухэтажного небоскрёба, и смотрю на девушку.

Она сидит всё так же тихо, как мышка.

Оставлять её одну в машине не хочется. Хотя уверен, если велю, будет сидеть.

Взвесив все за и против, говорю:

– Пошли.

Ставит стакан в подстаканник и отстегивает ремень, не задавая лишних вопросов.

Почесав пальцем лоб, наблюдаю за тем, как путаясь в толстовке, девчонка выбирается из моего внедорожника. Если упадёт, рассыпется на пару сотен костей.

– Погоди... – вздыхаю, выходя из машины и забирая стакан, чтобы не разводить в машине бардак.

Огибаю капот и подхватываю её локоть, помогая прыгнуть на пол.

Её голова крутится во все стороны, пальцы хватаются за мой бицепс.

Положив руку на хрупкий затылок, веду нас к лифтам.

Решаю оставить её на тридцатом этаже, два этажа выше для частного пользования.

Когда двери открываются, легонько подталкиваю вперёд, говоря:

– Там справа смотровая площадка и кафе. Возьми что хочешь, я оплачу, когда вернусь.

Выйдя из лифта, она разворачивается и смотрит на меня тревожными распахнутыми глазами. Оглядевшись по сторонам, обнимает себя руками и лепечет:

– Когда вы... ты... вернёшься?

– Через пятнадцать минут. – Нажимаю следующий этаж.

Она ловит мой взгляд и не отпускает до тех пор, пока не закрываются двери.

Добравшись до офиса Булата, нахожу там своего босса – Аида Джафарова.

Он любит, чем-то на мониторе ноутбука, вытянув перед собой ноги и попивая кофе. Такое положение вещей говорит о том, что Марат Джафаров где-то поблизости, иначе Аид не был бы таким расслабленным, потому что он начальник его охраны. Его и всего, что Марату принадлежит, включая Миру Джафарову.

Подняв на меня глаза, спрашивает:

– Как прошло?

– Удачно, – киваю я.

Он кивает на синюю папку, лежащую перед ним.

– Спасибо, – благодарю его.

Моя выездная работа не имеет никакого отношения к Джафаровым. Это отголоски прошлой контрактной службы. За эти отголоски мне очень хорошо платят, потому что заложники – мой волшебный талант.

– Нужен совет, – говорит Аид, разворачивая ко мне ноутбук.

Усмехаюсь. Так бы сразу и сказал. Снимаю куртку и разворачиваю к себе ближайший стул, седлая его.

Солнце за панорамным окном офиса уходит “за полдень”, когда выхожу от Аида.

Разминая шею, спускаюсь на парковку.

Поесть и поспать – моя целевая установка.

Протерев лицо ладонями, завожу мотор и выезжаю со стоянки.

Солнце лупит прямо в глаза. Достая из кармана куртки очки и откидываю голову на подголовник, встраиваясь в среднюю полосу.

Дорога до дома занимает почти тридцать минут. Дерьмовее развязок я не видел нигде и никогда, и ведь ещё не выпал снег. Зимой передвигаться по городу может только человек с железными нервами и железными яйцами.

Припарковав машину, глушу мотор и собираюсь выйти, когда вдруг понимаю: что-то не так.

Соображаю ровно секунду.

Сердце дёргается, толкая по венам адреналин и адскую панику.

– Блять! – Врубаю старт кнопку и быстро пристёгиваю ремень.

Айза.

Глава 6

Максум

Я практически уверен в том, что она будет сидеть там, где велено, и не рыпаться. Но это не отменяет того, что я настоящая скотина.

– Дерьмо.

Я не смог бы ехать быстрее, даже если бы ехал по тротуару. Потому что город будто про-
рвало. Люди сыпятся на пешеходные переходы, как семечки. Аномально тёплый день помно-
женный на выходной.

Я никогда не вожу машину как псих. Потому что спешка – самый дерьмовый союзник
в абсолютно любой ситуации.

Сжав пальцами руль, терпеливо жду, пока расчистится дорога, и двадцать шесть пеше-
ходов уберутся к чертям собачьим с моего пути. Не дожидаясь, пока ещё одна партия ринется
вперед, жму на клаксон и давлю на газ. Комбинация моих номерных знаков сообщит любому
правоохранителю о том, что тратить мое время не стоит.

Вернувшись на подземную парковку, быстро выхожу из машины и ставлю её на сигнали-
зацию.

Чтобы добраться до тридцатого этажа приходится сделать одну пересадку, и я точно знаю,
что она не запомнила дорогу. Все время, пока мы поднимались, девчонка считала ворон и
хлопала глазами...

– Вам какой? – спрашиваю нетерпеливо двух офисных брюнеток, посмотрев через плечо.
Ловлю смущенный взгляд на своей заднице, и ещё один на своём лице.

– Этаж? – резко поторапливаю их.

– Шестнадцатый... – краснеют обе.

Нажимаю, отворачиваясь. Кладу руки на бёдра, гипнотизируя табло.

Быстрее, твою мать...

Только никуда не денся, чёрт тебя дери.

За моей спиной гробовая тишина. Я не обижаю женщин и детей, но это как раз тот
эффект, на который я рассчитывал. Сегодня женщина мне не пригодится. Все, чего я хочу
сегодня – принять душ, поесть и уснуть.

Разминаю шею, глядя в потолок.

Перед глазами стоит взволнованное лицо моей потери. Если с ней что-нибудь случится
– откручу себе башку. Отхожу в сторону на шестнадцатом, ловя прощальные смущенные
взгляды. Гурьба из шести человек заполняет лифт, потому что в спешке я выбрал общий, а
не служебный.

К тому времени, как добираюсь до тридцатого, теряю последнее терпение. Растолкав
людей плечом, вываливаюсь в холл и быстро сворачиваю направо.

Помещение кафе переполнено. Заняты почти все столы, и я её не вижу...

Выругавшись, прохожу зал насквозь. Попадаю в стилизованную под маленькую Венецию
зону отдыха и резко меняю направление, когда вижу одинокую фигурку на скамейке у бута-
форской гондолы.

От облегчения вслух благодарю Бога.

В животе внезапный узел, потому что она выглядит чертовски трогательной в этой дол-
банной толстовке, в которой прячется и кутается, пристроившись на самом краю сидения.
Голова опущена. Запрятанные в рукава ладони лежат на коленях. Подхожу осторожно, чтобы
не напугать. Это лишнее, потому что на внешние раздражители она никак не реагирует, глядя
в пространство. Изучаю профиль с тонкими девичьими чертами, проводя рукой по волосам и
лицу. Осматриваю с головы до ног, убеждаясь в том, что всё на месте.

Обхожу скамейку и опускаюсь перед ней на корточки, заглядывая в лицо.
Встрепенувшись, Айза вскидывает глаза, и первое, что я в них вижу – облегчение.
Такое, с которым не сравнится моё собственное.
Получаю очередной пинок в живот.

Чёрт...

На тонкой нежной коже проступает румянец. Блестящие карие глаза кажутся очень яркими. Все это выглядит так, будто ее лицу возвращаются краски.

Она смотрит в мои глаза, распахнув свои и не моргая.

“Красивая”, – отмечаю, давая ей минуту.

Маленький пухлый рот поджимается.

Следующее, что я вижу на ее миловидном личике – обида. Такая, что я хмурюсь, понимая – в своей головке она сделала какие-то неправильные выводы относительно меня и всей этой тупой ситуации.

Что она там себе напридумывала?

Параллельно вдруг понимаю, что характер у этой мышки – дерьмо. И ещё какое.

Посмотрев сквозь меня и задрав подбородок, она тихо говорит:

– Пожалуйста, отвезите меня домой.

Мы снова перешли на «вы».

Что ж. Я заслужил.

Мне хочется протянуть руку и обхватить пальцами этот округлый подбородок, чтобы заставить смотреть на себя и объяснить, что я, черт возьми, никогда бы не заставил ее четыре часа проторчать здесь без причины.

Айза вскакивает на ноги, по прежнему глядя сквозь меня. Будто я, как человек, вдруг перестал для неё существовать, и она мечтает поскорее от меня избавиться и, по возможности, больше никогда не видеть. Будто разочарована во мне в самых дерьмовых смыслах. Вот как все это выглядит. И внезапно меня это не устраивает.

Выпрямляюсь, рывком перехватив её за локоть.

Разворачиваю к себе, спрашивая:

– Ты что-нибудь заказывала?

– Нет. – Вырывает руку, глядя на меня снизу вверх.

Её макушка еле достаёт до моего плеча.

– Почему? – Смотрю в карие глаза так, чтобы усмирить и напомнить, кто здесь старший.

Когда она родилась, я уже точно знал, кем хочу быть. Когда она родилась, мне было пятнадцать, и я был лучшим стрелком в Республике.

Ее красивый ротик по-прежнему сжат, нос задран.

– Мне не принесли меню, – с достоинством сообщает она.

Моя челюсть напрягается.

– За четыре часа? – рявкаю я.

Сглотнув и отведя глаза, кивает.

Осматриваюсь, глубоко вздохнув. При такой толкотне – не удивительно. А если учесть её робкие повадки, не удивительно вообще.

– Ты голодная? – Снова смотрю на девчонку.

Глядя в пол, говорит:

– Просто... отвезите меня домой...

– Я спросил, голодная ли ты?

Молчит, глядя в сторону.

Все же захватываю пальцами маленький подбородок, чувствуя тонкий каркас костей и нежность матовой кожи.

Заставляю смотреть на себя, по слогам проговаривая:

– Айза, я пришёл, как только смог.

Вру спокойно и уверенно. Я могу рассказать полиграфу целые баллады вранья вообще не напрягая мозги. И я совершенно точно не собираюсь сознаваться в том, что тупо про неё забыл.

Подбородок в моей ладони начинает дрожать. Тонкая шея дергается, когда она сглатывает.

Вот черт...

Да она испугалась до смерти.

Думала, я не приду? Просто брошу здесь?

Ее личико становится таким беззащитным, что у меня скручивает нутро.

– Извини, – говорю мягко, поглаживая щёку большим пальцем. – Мир?

Шмыгнув носом, кивает.

Вот и славно.

Глава 7

Айза

Глядя на желтый солнечный день за окном машины, складываю руки под грудь, ёжась от холодка, гуляющего по коже.

– Ммм? – поворачиваю голову на звук низкого мужского голоса и натыкаюсь на пристальный взгляд ярких голубых глаз.

Чуть повернув голову, Максут смотрит на меня из-под козырька своей бейсболки.

– Замёрзла? – повторяет он вопрос, всматриваясь в моё лицо так, будто собирается прочесть мои мысли.

Киваю, передергивая плечами.

Снова глядя на дорогу, Максут нажимает кнопки на руле, и мне в лицо мягко бьет поток тёплого воздуха.

У меня чувство, будто я промёрзла изнутри. За неделю не избавлюсь от этого мерзкого холода. Просто я омерзительная трусиха, вот и всё. Это плюс ко всем другим моим порокам, о которых я уже говорила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.